

наш
XX
век

ДМИТРИЙ ТРОФИМОВИЧ

ШЕШИЛОВ

НЕПРИМКНУВШИЙ
ВОСПОМИНАНИЯ

Наш XX век

Дмитрий Шепилов

Непримкнувший. Воспоминания

«Центрполиграф»

1994

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)6

Шепилов Д. Т.

Непримкнувший. Воспоминания / Д. Т. Шепилов —
«Центрполиграф», 1994 — (Наш XX век)

ISBN 978-5-227-07518-5

Эта книга – воспоминания Дмитрия Шепилова, главного редактора газеты «Правда», члена-корреспондента АН СССР, секретаря ЦК КПСС, позднее и министра иностранных дел СССР. Автор не просто излагает события, имевшие место в 30–50-х гг., но раскрывает эмоциональную, человеческую сторону этих событий. Его воспоминания интересны смелостью и независимостью суждений об актуальных на тот момент вопросах общественной и политической жизни, откровенными и нелицеприятными характеристиками ключевых политических фигур СССР.

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)6

ISBN 978-5-227-07518-5

© Шепилов Д. Т., 1994
© Центрполиграф, 1994

Содержание

Дмитрий Косырев: Возвращение Шепилова, или Уникальная книга уникального человека	6
Умер Сталин	11
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дмитрий Шепилов

Непримкнувший. Воспоминания

© Шепилов Д.Т., наследники, 2017

© «Центрполиграф», 2017

* * *

Дмитрий Косырев: Возвращение Шепилова, или Уникальная книга уникального человека

Эпоху назад, в 2000 г., когда я готовил к печати первое издание книги моего деда – крупного, парадоксального и во многих смыслах загадочного политического деятеля переломной эпохи 1950-х гг., – я написал для той книги предисловие, которое начиналось так:

«Воспоминания Д.Т. Шепилова от начала и до конца написаны им самим, его крупным летящим почерком. Никаких «теневых писателей» и прочих литературных обработчиков здесь не было и близко. И это само по себе уже делает книгу уникальным явлением среди моря мемуарной литературы советских руководителей: от Брежнева, который, как говорят, познакомился с некоторыми из авторов «своих» сочинений уже после написания таковых, до Хрущева или Молотова, которые делали свои воспоминания в стиле интервью, то есть на магнитофон.

Дмитрий Шепилов был, возможно, единственным послевоенным лидером страны, умевшим писать не только профессионально, грамотно, но, на мой взгляд, местами и с блеском. Книга, которую вы держите в руках, просто хорошо читается. Один только этот факт уже многое объясняет в бурной и резко оборванной политической карьере и в уникальной репутации этого профессора, «выросшего» в годы войны от солдата-ополченца до генерала, или, скажем, этого министра иностранных дел, способного точно напеть от первой до последней ноты всю партитуру дюжины опер довольно профессионально поставленным баритоном».

А дальше я в том предисловии объяснял, не вторгся ли я в работу автора. Нет, не вторгся. Моя редакторская работа здесь была минимальна. Она касалась тех мест, где Шепилов добавлял не свои тексты – абзацы из справочников или энциклопедий, журнальные или газетные статьи. Эти куски явно выпадали из стиля книги, мгновенно опознавались как скучные и тяжелые и так и просились под нож.

Кстати, мы с дедом это обсуждали – несколько глав он мне давал прочитать, кажется, еще в 80-х гг. Он говорил: может, ты и прав.

В прочих же местах редактора и даже корректора была просто не нужна.

Все, что мной реально было сделано, – это увеличение числа глав, поскольку две (та, где речь шла о Жданове и о поездке в Китай) были размером с добрую брошюру. Каждую я поделил на три части. Были проистекающие из этого косметические операции типа изобретения заголовков для «новоявленных глав» и еще добавленные мною в начало каждой главы подзаголовки-оглавления в стиле романов XVIII века.

Перед вами второе издание книги «Непримкнувший». Оно дословно, до буквы повторяет первое, за исключением приложения. Дело в том, что недавно я получил наконец доступ к архиву своего деда, где нашел наброски замысла всей книги и еще не законченную главу, которую автор (совершенно справедливо) счел слабой, местами повторяющей предыдущую и т. д. Эти документы я помещаю в приложение нынешней, новой книги. Туда же отправляю мое собственное интервью с Дмитрием Шепиловым, где он рассказывает о бурном, взрывном завершении своей политической карьеры в 1957 г., о том, как его объявили «примкнувшим» к антипартийной группировке.

В «Непримкнувшем» я сделал это интервью заключительной главой, и согласитесь, что без нее книга была бы не та.

Теперь пора объяснить, что вообще такое «Непримкнувший». Дело в том, что это не совсем мемуары, да что угодно, только не мемуары.

Мемуары пишут вот зачем: чтобы рассказать людям, «как это было», – попутно объяснив, защитив свою позицию в тех или иных исторических сюжетах. Иногда для этого рассказывают

всю свою жизнь, если автору кажется это необходимым. А вся жизнь – это значит, что книга неизбежно распадается на много отдельных эпизодов.

Но в любом случае это книга о себе. Это нормально, это понятно, иначе не было бы мемуарного жанра.

Но Шепилов писал не совсем о себе. Он писал книгу о том, как получилось, что к власти пришел Хрущев и произошла катастрофа. Это абсолютно логичная, внутренне связанная книга, а личные воспоминания автора жестко подчиняются заданной цели. Масса вроде как отступлений и ухода повествования в сторону тоже бесспорно служит заданной цели, воспроизводя эмоциональный и яркий портрет эпохи. Хронология книги – от 1937 до 1954 года. А сердцевина ее фактически сводится к периоду от 1953 до 1954 года, то есть к переходу власти от Сталина к Хрущеву. Экскурсы в прошлое служат лишь тому, чтобы объяснить случившееся за этот краткий период.

Кстати об экскурсах. Вам покажется, что автор пишет о чем-то давно знакомом и даже надоевшем – о сталинских репрессиях – так, будто делает открытие. Да, после всех публикаций на эту тему, особенно 80-х и прочих годов, такое впечатление есть.

Но когда Шепилов написал свою книгу?

В начале 60-х, когда Хрущев и его команда раз за разом вновь уничтожали уже вроде бы свергнутого политика, изгоняли его шаг за шагом отовсюду – из Академии наук, КПСС, лишали жилья, убирали имя Шепилова отовсюду – Шепилов начал тайно, по ночам, скрывая даже от жены, писать эту книгу. Добавим, происходило это в эпоху, когда уже было ясно, что правление Хрущева ведет страну к тотальной катастрофе в экономике, внутренней и внешней политике. Автор пытается объяснить, как он старался этому помешать и почему у него и других людей ничего не вышло.

Вы про эту катастрофу даже и сегодня не очень-то и прочтете, поскольку еще сильна легенда о Хрущеве – десталини-заторе и предтече демократии.

Книга про Хрущева – перед вами. Она начинается с первой главы и заканчивается главой «Хрущев становится у кормила власти». У нее было название – «Хрущевщина».

Кстати, Шепилов, закончивший работу в середине 60-х, какое-то время считал возможным ее публикацию – уже при Брежнев.

А дальше надежды на публикацию таяли, зато появилась мысль – или потребность – писать дальше. В конце концов, в первоначальный замысел не входили самые яркие страницы политической биографии самого Шепилова. Именно после 1954 г. он стал министром иностранных дел (и на удивление эффективным и эффективным), главным идеологом СССР, человеком, о котором поговаривали: вот бы кому возглавить в какой-то момент страну. Наконец, не 60-е гг., но оттепель 50-х – это Шепилов, а не кто-то другой. А еще ведь был XX съезд и роль, которую Шепилов сыграл в составлении обоих докладов Хрущева на нем!

Но почти ни о чем этом он не написал. Не написал и о том, что же произошло летом 1957 г., кто и почему свергал Хрущева, но не смог – а ведь то была потрясающая по накалу страстей, ключевая страница истории СССР.

Но тут с написанной на одном дыхании «Хрущевщиной» произошла неприятность. Шепилов, начав создавать новые главы, поломал этим свой стройный и успешно осуществленный замысел.

Сохранился его план дальнейшей работы над книгой, есть готовая громадная китайская глава (написанная явно под воздействием «культурной революции» в Китае, начавшейся в 1966 г.). Есть наброски предыдущей главы – «В Германии» (про поездку туда до визита в Китай). Больше – если только не всплывут какие-то другие архивы – нет ничего. Что касается 1957 г., то я буквально заставил деда дать мне об этом интервью для так и не состоявшейся публикации в газете «Правда» в 1991 г.

Что произошло после смерти Дмитрия Шепилова в 1995 г.: мне, к счастью, досталась (а могла и вообще пропасть) его рукопись – именно рукопись, хотя были и «слепые» машинописные копии некоторых глав. Без «Германии», без набросков. Что мне было делать – не публиковать, например, замечательные заметки о Китае? Конечно, я включил их в книгу, хотя железная логика «Хрущевщины» этим сильно нарушилась. И правильно сделал, китайский раздел мемуаров активно используется моими коллегами-китаистами как ценнейший источник. Включил я в книгу, как уже сказано, и интервью.

Мы с дедом, конечно, говорили о работе над мемуарами, которая не прерывалась всю его жизнь. И работа эта еще раз подтверждала – раз сделанную книгу нельзя переделывать, потому что бесполезно.

А он попал в безвыходную ловушку – опять надеялся на публикацию (дело было уже в 80-х гг.). Но в том-то и дело, что личность, взгляды Шепилова не вписывались также и в 80-х гг. Он вообще никуда не вписывался, при жизни и после смерти, даже сегодня.

Вдобавок он изменился сам. В 70-х гг. он думал – в том числе про Хрущева – несколько не так, как в бедственные ранние 60-е. В 80-х он размышлял над тем, чтобы смягчить оценки или, наоборот, ужесточить их, поскольку ясно же, что развал СССР начинался именно тогда, с хрущевской катастрофы.

Заодно книга лишилась названия. От «Хрущевщины» Шепилов перешел к пораженческому «Так сложилась жизнь». Мы беседовали с ним об этом – я говорил, что такое название хуже, чем вообще никакого. Он соглашался и замечал, что это так, рабочая версия.

Но новой версии у него не возникло. К сожалению, даже для человека, обладающего множеством талантов, в том числе литературным, возраст – это реальность. Попытки приспособить, переосмыслить, переписать, дополнить книгу с позиции развала 80–90-х гг. оказались непосильными для человека, родившегося в 1905 г. Он садился за рабочий стол (каждый день), листал страницы, делал пометки... И все. Даже интервью просил еще поддержать, и еще поддержать...

Итог – тот, о котором я уже говорил. Мне достался после смерти моего деда изначальный, страстный, гремящий текст начала 60-х плюс китайский раздел, написанный позже. Плюс интервью. Вот это все и вошло в книгу, которой я придумал название – «Непримкнувший». Сейчас она переиздается заново.

В 2017 г. вышла моя книга – «Советский Кеннеди. Загадка Дмитрия Шепилова». Это не биография, точно так же как «Непримкнувший» – не мемуары. Это попытка объяснить феномен Шепилова в современных терминах современному человеку, который, возможно, даже фамилии такой не слышал.

Дело в том, что политическое наследие Шепилова или как минимум то, что он вольно или невольно символизировал для своих современников, вдруг стало очень важным для сегодняшнего и особенно завтрашнего дня. Шепилов вернулся.

Я ставлю в «Кеннеди» вопрос так: Шепилов – единственный в тогдашнем высшем руководстве человек, отстаивавший ценности эпохи Просвещения: знания, культура как основа для определения места человека в обществе.

Между прочим, это также означает, что Шепилов – говоря современным и не очень понятным в России языком – классический консерватор. Поскольку консерватизм родился как реакция людей Просвещения на безумства французской и прочих революций, с их массовой и насильственной переделкой мира и человека.

Да, в советской идеологии сочеталось несочетаемое – революционное улучшение людей и просвещенческий консерватизм.

Естественно, в таких терминах сам Шепилов и его современники не мыслили. Они вели спор о том, кто настоящий коммунист, а кто не настоящий.

И наконец, в «Советском Кеннеди» вы увидите расшифровку и оценку масштаба личности этого уникально одаренного и эффектного деятеля, особенности его психологии, поведения. Мне кажется, что эти две книги помогают друг другу, точнее, помогают вам понять, что же это такое было – Дмитрий Шепилов и почему именно сейчас это важно для нас знать.

И последнее – пара мыслей о том, что за книгу вы держите сейчас в руках.

Она не только и не столько для историков. Воспоминания Шепилова, полагаю, ценны прежде всего эмоциональной, человеческой стороной событий эпохи, пусть даже хорошо известных историкам. Представим себе, что Юлий Цезарь в «Записках о Галльской войне» вместо невероятно нудного перечисления своих и чужих действий чуть ли не в каждую неделю войны создал бы страстный рассказ о чувствах и мыслях, обуревавших его в те дни. Тогда, возможно, нечего было бы делать Шекспиру или Торнтону Уайлдеру, им не пришлось бы наугад создавать «своего» Цезаря, пытаясь угадать его мысли и намерения, подменить их своими озарениями и догадками.

Стиль – это человек. Стиль Шепилова говорит об авторе буквально все. Посмотрите на эти неизменно превосходные степени («величайшие бедствия», «вся моя душа истерзана», «глубочайшее проникновение в тайны» и т. д.). Обратите внимание на монументальность и законченность одних фраз – и на пассажи, состоящие из фраз предельно коротких, буквально из одного-двух слов. Представьте себе, что этот текст читается вслух медленно, со вкусом, с паузами, раскатистым профессорским голосом, рассчитанным на большие аудитории в эпоху, когда не было еще микрофонов, – и вы увидите автора.

Автор старается быть справедливым к своим героям, проявить беспристрастие – и все же если уж Шепилов не любит Хрущева, то его Хрущев настоящий inferнальный оперный злодей с характерным драматическим баритоном; если любит Жданова – то тому достается теноровая партия, достойная Паваротти, включая трагическую смерть под аккорды хора и оркестра... Не мемуары, а партитура!

Но думаю, что, как ни странно, в этом и их историческая ценность тоже. Потому что факты, скажем, о деятельности того же Жданова на посту главного идеолога в 1947–1948 гг. вроде бы известны; и мне, назвавшему дочь Анной в честь Ахматовой, жутко было читать о том, как Жданов «отдавал всю кровь, капля за каплей» своей работе. (Читателя вообще ждет немало шоковых ощущений от этой книги.)

Но иной раз мы пересматриваем свой взгляд на людей и их роль в истории. Да, может быть – и Жданова тоже. Кто знает.

И вот вам сюжет из «Непримкнувшего»: «александровские мальчики» – известные нашему поколению как уважаемые академики Ильичев, Федосеев и прочие. Для Шепилова – объект абсолютной ненависти и презрения. За то, что не сжигали себя ради коммунистической идеи, а просто хотели хорошо жить, зарабатывать, делать сбережения на черный день. И писали доносы для Берии, чтобы выжить. А вот Жданов: была ли в его действиях материальная корысть? В шепиловской партитуре (и, видимо, в жизни) – ни малейшей. Жданов загнал себя в могилу в 51 год тем, что работал на износ, делая то, что искренне считал своим долгом коммуниста. Так как же нам, сегодняшним, судить их (если вообще можно кого-то судить)? Кто благороднее – искренний коммунист, доносчик «в открытую» и сокрушитель судеб, или поддельный коммунист, при этом доносчик тайный, вынужденный? Вот это опера!

Но посмотрим теперь на те же эпизоды мемуаров Шепилова холодными глазами историка. По ним получается, что искренний коммунист Жданов работает днем и ночью, понимая, что если после войны, когда людям хочется «просто хорошо жить» без надоевшей политики и идеологии, не вернуть страну беспощадным рывком в идеологические реалии конца 30-х годов, то коммунистический режим в конце концов погибнет. Хотя бы потому, что даже новое поколение его «идеологов» уже ни в какой марксизм не верит.

Логична позиция Жданова? Еще как. Более того, он оказался прав. И задача его оказалась непосильной – она физически убила его. А второго Жданова уже неоткуда было брать, поскольку «трибунов революции», идейно одержимых, в основном уничтожили еще в 30-х гг. и заменили послушными исполнителями. В результате затем, после Шепилова при Хрущеве, идеологами стали те самые «ни во что не верящие» Ильичев, Федосеев и прочие. Что в итоге (хотя очень медленно) и привело от «десталинизации» к формальному признанию давно состоявшейся моральной гибели коммунистического режима уже в горбачевские дни.

То есть Жданов, получается, был последним искренним коммунистом-«трибуном» в высшем советском руководстве. Сам Шепилов как идеолог здесь все-таки не в счет: классическая «белая ворона» в коридорах власти, он считал, что за чистоту ленинской идеи надо бороться лишь силой убеждения. То есть – да, можно принимать постановления типа ждановских, но без политических ярлыков (и тем более без увольнений или расстрелов) и давая полное и реальное право критикуемым на ответное слово. Так, как шли политические споры (как ему казалось) в 20-х гг., когда Шепилов сформировался как личность.

Реальный Жданов, конечно, был лишен таких иллюзий, хотя и – возможно – еще сохранял полную убежденность в своей моральной правоте. А дальше, в последующие годы, наверху уже не было ни иллюзий, ни убежденности...

Но ведь это – уже ценный исторический материал, которого не дадут даже самые полные стенограммы из архивов Агитпропа.

Умер Сталин

Никто не знал о здоровье диктатора. Как я погнался за Сталиным. Кто наследник? Молотов и Маленков: два образцовых исполнителя. Как родился мундир генералиссимуса. Ольга Берггольц оплакивает вождя. Как мне не дали досмотреть оперетту

Я сидел в своем рабочем кабинете в «Правде». Готовили очередной номер газеты на 6 марта 1953 г.

Около 10 часов вечера зазвонил кремлевский телефон-«вертушка»:

– Товарищ Шепилов? Говорит Сулов. Только что скончался Сталин. Мы все на «ближней» даче. Приезжайте немедленно сюда. Свяжитесь с Чернухой и приезжайте возможно скорей.

В. Чернуха был вторым, после Поскребышева, помощником Сталина.

Умер Сталин...

Я ничего не сказал в редакции. Распорядился продолжать подготовку очередного номера. Вызвал машину. Предупредил, что еду в Кремль, к Поскребышеву, и спустился на улицу.

Умер Сталин...

Весть эта была настолько невероятна, что не доходила до сознания и воспринималась как что-то нереальное, призрачное.

С именем Сталина связаны были все великие свершения Советской страны, ее величие и слава:

индустриальное преобразование сермяжной России на основе сталинских пятилеток и выход Советского Союза в авангард человечества;

глубочайший революционный переворот в деревне и перевод самого многочисленного, но нищенствующего класса крестьян на путь новой коллективистской жизни;

всемирно-историческое решение национального вопроса и превращение колониалистской империи в великое содружество свободных народов;

культурная революция, поднявшая к вершинам исторического процесса «наинизшие низы» народа;

триумфальная победа в Великой Отечественной войне и спасение всего человечества от нависшей над ним угрозы фашистского порабощения.

Во всем этом был воплощен светлый разум, титаническая энергия и несгибаемая воля Сталина – общепризнанного вождя народа и всего коммунистического и освободительного движения.

И вот Сталина нет...

Правда, уже в течение нескольких дней по Москве ползли зловещие слухи о тяжелом заболевании Сталина. Передавали разное: одни говорили, что у Сталина инфаркт сердечной мышцы; другие – что его разбил паралич; третьи – что Сталина отравили. Многие говорили.

Из кремлевских сфер я знал такую версию события. 1 марта 1953 г. у Сталина был обычный деловой день на «ближней» даче.

Известно было, что последние два десятка лет, после того как в 1932 г. его жена Надежда Аллилуева покончила с собой, Сталин никогда не ночевал в своей московской квартире в Кремле. Он постоянно жил и работал на «ближней» даче, расположенной в стороне от Можайского шоссе, не доезжая Кунцева, у реки Сетунь.

Большой массив разнородных деревьев: могучих сосен, елей, дуба, кленов, березы. Весь участок обнесен четырех-пятиметровой непроницаемой деревянной стеной, покрашенной в зеленый цвет. У Поклонной горы, близ исторической Кутузовской избы – полосатый шлагбаум. Отсюда начиналась асфальтовая дорога на «ближнюю» дачу. При проезде по ней меж деревьев то тут, то там мелькали фигуры агентов охраны. Массивные зеленые ворота. В них – маленькое квад-

ратное окошечко. При подходе машины окошечко открывалось, и вас осматривала пара глаз. Затем из калитки появлялось два охранника. После проверки документов и осмотра машины она пропусклась в ворота. Неширокая асфальтовая дорожка пересекает лесной массив и как-то неожиданно приводит к сталинской даче.

Двухэтажное здание еще сохранило камуфляж военных лет.

У подъезда прибывших встречает кто-либо из охраны и провожает в вестибюль. Больше нигде и ни в чем внешних признаков охраны не видно. В вестибюле вешалка. Справа от входа небольшая комната, служащая, видимо, библиотекой, в ней много полок и шкафов с книгами. В этой комнате как-то Сталин, вызвав меня ночью, вел со мной большой разговор с глазу на глаз о содержании учебника политической экономии. Здесь, в этой комнате, с ним и случился удар.

Прямо из вестибюля дверь вела в большую столовую-гостиную. Здесь, как и во всей даче, стены облицованы светлым деревом. Большой обеденный стол и тяжелые стулья. На стенах несколько картин в простеньких рамках. Это – репродукции наиболее популярных картин русских живописцев, напечатанные в новом цехе цветной печати комбината газеты «Правда». В этой столовой-гостиной часто собирались на ночные ужины, после заседаний, члены Политбюро, Президиума ЦК и другие избранные лица из руководящих партийных и советских работников. Бывали здесь также и высокопоставленные иностранные деятели, которых Сталин приглашал к себе домой.

Из столовой, через почти невидимую дверь в стене, можно было пройти в спальню Сталина. Здесь стояла кровать и два небольших шкафа с его бельем и верхней одеждой, умывальник.

Дверь из вестибюля налево вела в просторный кабинет Сталина. Здесь стоял письменный стол и Т-образно к нему второй большой стол. И письменный, и другой большой стол, и столики всегда завалены были книгами, рукописями, бумагами. Все внешние признаки свидетельствовали о том, что Сталин чаще всего работал в этой комнате, а не в «официальном» кабинете.

Судя по некоторым внешним признакам, у Сталина за последние годы развилась гипертоническая болезнь и атеросклероз. Иногда мы даже говорили между собой: как хорошо Сталин выглядит, свежий, розовый, – не зная, что эта «розовость» гипертоническая. Не зная потому, что, как передавали приближенные люди, Сталин не признавал врачей. Он годами не показывался специалистам. Только уезжая в отпуск к морю, он иногда разрешал посылать туда известного ему зубного врача. После же организации чудовищного по своей патологии «дела врачей» Сталин в каждом враче видел скрытого врага и террориста. Поэтому истинное состояние здоровья Сталина никому не было известно.

Никаких внешних признаков недомоганий у него, впрочем, не было. Частенько после заседаний Президиума он с друзьями часами проводил у себя на даче время за ужином. Ел горячие жирные блюда с пряностями и острыми приправами. Пил алкогольные напитки, часто делал только ему ведомые смеси в стакане из разных сортов коньяка, вин и лимонада. Поэтому все считали, что Сталин здоров.

Конечно, очень близкие к нему люди не могли не замечать все большего нарастания у Сталина за последние годы психопатологических явлений. Так, например, в разгар веселого ужина с самыми близкими ему людьми – членами Президиума ЦК – Сталин вдруг вставал и деловым шагом выходил из столовой в вестибюль. Оказавшись за порогом, он круто поворачивался и, стоя у прикрытой двери, напряженно и долго вслушивался: о чем говорят без него. Конечно, все знали, что Сталин стоит за дверью и подслушивает, но делали вид, что не замечают этого. Сталин подозрительно всматривался во всякого, кто по каким-либо причинам был задумчив и невесел. Почему он задумался? О чем? Что за этим кроется? Сталин без слов требовал, чтобы все присутствующие были веселы, пели и даже танцевали, но только не задумывались. Положение здесь было трудное, так как, кроме А. Микояна, никто из членов Пре-

зидиума танцевать не мог, но, желая потрафить «хозяину», и другие должны были импровизировать какую-то трясучку.

В связи с этой прогрессирующей подозрительностью нужно было в присутствии Сталина вести себя очень осмотрительно.

Вспоминаю такой эпизод.

В 1949 г. на заседании Президиума ЦК под председательством Сталина слушался вопрос о присуждении Сталинских премий. Заседание шло в том историческом зале, в котором Ленин проводил заседания Совета Народных Комиссаров и в котором и сейчас стоит как реликвия его председательское кресло. Как заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК, я присутствовал и выступал на этом заседании. По окончании его я решил спросить у Сталина, как обстоит дело с учебником политической экономии, последний вариант которого давно уже находился у него на просмотре. Об этом меня просили многие ученые-экономисты.

Заседание кончилось. Почти все разошлись. Сталин по среднему проходу направился к выходу, некоторые члены Президиума еще толпились у боковой двери. Я торопливым шагом пошел навстречу Сталину. Бросив на меня тяжелый, пристальный и умный взгляд исподлобья, он на секунду задержался на месте, а затем круто повернул вправо и пошел к боковой двери, где еще задержались некоторые члены Президиума. Я догнал его и изложил свой вопрос. Я видел, как в его глазах большая настороженность и недоумение сменились на доброжелательность, а в уголках глаз появились веселые искорки.

Подожли А. Жданов, Г. Маленков, еще кто-то.

Сталин:

– Вот Шепилов ставит вопрос, чтобы дать возможность нашим экономистам самим выпустить учебник политической экономии. Но дело это важное. Не только наше, государственное, но и международное. Поэтому без нас здесь не обойтись. Вы не против того, чтобы мы участвовали в этом деле? – улыбаясь, спросил Сталин.

Я ответил, что я, конечно, не против этого.

– Но ведь вы очень заняты, товарищ Сталин, а учебник позарез нужен.

– Что значит – занят? Для такого дела найдем время.

Андрей Александрович Жданов сказал мне потом, что я вел себя очень неосторожно.

Тогда я не знал всех кремлевских тайн, был совершенно не искушен в «придворных» делах и тонкостях и даже не совсем понял смысл его замечания и предостережения. Очень многое стало проясняться гораздо позже, главное же – лишь после смерти Сталина.

С годами подозрительность, страхи, маниакальные представления у Сталина явно прогрессировали. Поэтому, терзаемый страхами, Сталин обычно всю ночь проводил за работой: рассматривал бумаги, писал, читал. Читал он невероятно много: и научной, и художественной литературы, и все очень крепко и по-своему запоминал и переживал. Ложился он спать, как правило, лишь с наступлением рассвета.

Перед тем как лечь спать, Сталин нередко пристально всматривался через окна: нет ли на земле или на снегу следов человеческих ног, не подкрадывался ли кто к окнам. В последнее время он даже запрещал сгребать свежий снег под окнами – ведь на снегу скорее увидишь следы проникших к нему людей.

Одержимый страхами, он часто ложился спать не раздеваясь, в своем кителе и даже в сапогах. А чтобы свести мнимую опасность к минимуму, он ежедневно менял место сна: укладывался то в спальне, то в библиотеке на диване, то в кабинете, то в столовой. Зная это, ему незаметно с вечера стелили постели в нескольких комнатах одновременно.

При выездах с дачи в Кремль и обратно Сталин сам назначал маршрут движения по улицам и постоянно менял его.

А Берия и бериевцы, зная эти нарастающие патологические черты Сталина, умышленно ему сыпали соль на раны. Они изобретали и докладывали ему всякие фантастические истории о готовящихся покушениях, измене Родине и т. д.

Как стало потом известно, в МГБ заранее разрабатывалась какая-нибудь очередная красочная легенда о «подготовке покушения на Сталина». Затем шли аресты намеченных лиц, пригодных по замыслу режиссера для игры по заготовленному сценарию. Физические и душевные истязания служили надежным средством полного «признания» арестованными своей вины и подтверждения версии сценария. Затем «комплексные» протоколы допросов заключенных посылались Сталину. Дальше следовала короткая процедура заседания «Особого совещания».

Для следователей и их режиссеров такое дело означало повышение в должности, новые звания, награды, материальные блага. Для обвиненных – пулю в затылок в подвалах Лефортовского изолятора или в лучшем случае бесконечно долгие годы в рудниках и копиях каторжной Колымы. Как для тяжелого алкоголика водка, так для Сталина в последний период его жизни разоблачения «террористов», «отравителей», «заговорщиков» стали неодолимой потребностью, и бериевцы удовлетворяли эту потребность с садистским сладострастием.

Только в условиях этой тягчайшей душевной сталинской патологии и полной бесконтрольности и неподотчетности органов государственной безопасности могли быть сфабрикованы чудовищные по своей сущности «ленинградское дело», «дело врачей» и им подобные. Все мы, члены ЦК, и я в том числе, слышали своими собственными ушами заявление Сталина на первом Пленуме ЦК после XIX съезда партии, что Ворошилов, Молотов, Микоян не заслуживают политического доверия. Ворошилова в последние годы своей жизни Сталин считал прямым шпионом и не допускал встреч с ним, а Молотова и Микояна – капитулянтами перед американским империализмом. Поэтому они и не были введены в Бюро Президиума ЦК после съезда. Это специально было придумано Сталиным после XIX съезда, чтобы преградить указанным деятелям путь в руководящий штаб партии.

Но, повторяю, многое, очень многое стало известно после смерти Сталина. Сейчас же по пути в Кремль в сознании, словно быстро меняющиеся кинокадры, мелькали события, факты, картины из жизни Сталина.

Вечером 1 марта все шло как обычно. Было заседание в Кремле. Затем все приехали на «ближнюю» ужинать. К столу по традиции подавались горячие, жирные, с острыми приправами и пряностями кавказские, русские, украинские блюда: харчо, чахохбили, борщ и жареная колбаса, икра, белая и красная рыба. Набор коньяков, водок, вин, лимонада.

Как всегда, прислуги никакой не было; каждый наливал и накладывал сам себе.

Разъехались по домам далеко за полночь.

Последующий ход событий никто точно не знает. Утром Сталина нашли в бессознательном состоянии лежащим на полу у дивана в библиотеке, то есть в первой комнатке при входе направо, где он больше всего любил работать. По-видимому, после разъезда членов Президиума Сталин, непрерывно попыхивая своей трубкой, удалился в библиотеку. Здесь ночью у него произошло мгновенное кровоизлияние в мозг. Сталин потерял сознание и упал на пол у дивана. Так он пролежал до утра без сознания и без медицинской помощи. Да она и не могла быть оказана. Из-за маниакальных страхов Сталина в комнату, где он находился, запрещено было входить кому бы то ни было из охраны или прислуги.

2 марта утром Сталин был уложен на диван в этой же комнатке. Сознание не возвращалось. Кровоизлияние захватило жизненно важные области мозга. Парализованы были правая рука и правая нога; наступила потеря речи.

Сталин лежал на диване с закрытыми глазами. Грудь высоко вздымалась, дыхание было неритмичным и прерывистым.

Президиум ЦК собрался утром здесь же, на даче. Было установлено поочередное и круглосуточное дежурство членов Президиума у постели больного. Для лечения Сталина были

привлечены лучшие медицинские силы страны. Проведены были мероприятия, направленные на улучшение нарушенных функций дыхания и кровообращения. Но они не дали перелома болезни к лучшему. Дыхание оставалось расстроенным, кровяное давление поднялось до 220–120. Наступила полная аритмия. Нарушение функций головного мозга усиливалось.

Во вторник 3 марта я получил в «Правде» текст правительственного сообщения о болезни Председателя Совета Министров Союза ССР и секретаря Центрального Комитета КПСС И.В. Сталина, которое и было обнародовано 4 марта. С этого времени начали регулярно публиковать бюллетени о состоянии здоровья Сталина.

В народе все усиливалась тревога. Злодеяния Сталина – истребление им руководящих кадров – коснулись главным образом или почти исключительно верхушки. Его патологические черты были известны только очень близким людям. С другой же стороны народ и партию в течение 30 лет воспитывали так, что все великое в жизни советского общества связано со Сталиным, источником всех благ и счастья людей является Сталин. Авторитет Сталина в партии, в народе, на мировой арене – особенно после войны – был непререкаем.

Конституция – сталинская. Устав сельскохозяйственной артели – сталинский. Пятилетки – сталинские... Сталин – это живое олицетворение величия партии, знамя побед в Отечественной войне; ничто не мыслимо без Сталина. И когда в правительственном сообщении появились слова, что «тяжелая болезнь товарища Сталина повлечет за собой более или менее длительное неучастие его в руководящей деятельности» – вставали тревожные вопросы:

- Как же мы теперь?
- Что же теперь будет?
- Как же без Сталина?

Между тем состояние Сталина становилось все более тяжелым. Усилились приступы сердечно-сосудистой недостаточности. Нарастало острое нарушение кровообращения в венечных сосудах сердца с образованием очаговых поражений сердечной мышцы. Резко нарушился ритм пульса (мерцательная аритмия). Прогрессировало расстройство дыхания при явной кислородной недостаточности.

В библиотечной комнате, где случился удар, было тесно и душно. Тогда диван, на котором лежал Сталин, перенесли в большую столовую.

У постели больного круглые сутки дежурили группами члены Президиума ЦК.

Впоследствии Н. Хрущев на заседаниях Президиума и мне на прогулках много рассказывал об этих предсмертных днях и часах Сталина. Рассказывали и другие. Тогда смысл и значение многих фактов, о которых рассказывали, были мне не ясны. Позже – все предстало в своем истинном свете.

В ходе дежурств у смертного одра шла напряженная игра. Внешне все члены Президиума ЦК представляли собой дружный товарищеский коллектив, с открытыми, прямыми отношениями, что было в традициях старой большевистской гвардии. На самом деле под покровом внешнего полного единства и товарищеской спаянности определенными лицами развивалась бешеная деятельность, чтобы решить организационные вопросы, а значит, и последующий ход событий, в интересах собственного возвеличения и собственной карьеры. Такими лицами были два члена Президиума ЦК: Л. Берия и Н. Хрущев.

Судя по многочисленным признакам, Сталин не думал о смерти и совершенно не подготавливал к этому неизбежному событию руководство страной и партией. Сталин вел себя так, словно «его же царствию не будет конца».

Правда, иногда Сталин делал вид, что он тяготится своими постами и хотел бы освободиться от них. Вспоминаю такой факт:

В октябре 1952 года мы, вновь избранные на XIX съезде партии члены ЦК, собрались в Свердловском зале на свой первый пленум. Когда встал вопрос о формировании руководящих

органов партии, Сталин взял слово и стал говорить о том, что ему тяжело быть и премьером правительства, и Генеральным секретарем партии:

– Годы не те; мне тяжело; нет сил; ну, какой это премьер, который не может выступить даже с докладом или отчетом.

Сталин говорил это и пытливо всматривался в лица, словно изучал, как будет реагировать пленум на его слова об отставке. Ни один человек, сидевший в зале, практически не допускал возможности отставки Сталина. И все инстинктом чувствовали, что и Сталин не хочет, чтобы его слова об отставке были приняты к исполнению.

Выступил Г. Маленков и сказал только одну фразу – что нет необходимости доказывать, что Сталин должен остаться и премьером и Генеральным секретарем. «Иначе просто невозможно», – сказал он, а Сталин не настаивал на своей просьбе.

Но годы давали себя чувствовать. И Сталин вынужден был, например, ссылаясь на то, что ему это не по силам, поручить отчетный доклад ЦК на XIX съезде партии Г. Маленкову. Но этот шаг вовсе не означал, что Сталин именно так хотел решить вопрос о своем преемнике.

Вопрос о преемнике Сталина, конечно, подспудно обсуждался среди членов партии и в народе. И каковы бы ни были различия и оттенки в мнениях, все, абсолютно все сходились на том, что в руководящем ядре партии есть один преемник Сталина, подготовленный всем предшествующим ходом развития революции и внутрипартийной борьбы, – это В. Молотов.

Член большевистской партии с 1906 г. Ученик и соратник Ленина и Сталина. За свою революционную деятельность Молотов многократно арестовывался. Свои «университеты» прошел не только в Казанском реальном училище и Петербургском политехническом институте, но и в многочисленных тюрьмах, в вологодской и сибирской ссылках. В. Молотов был делегатом большинства съездов партии, одним из создателей газеты «Правда» и секретарем ее редакции.

После Февральской революции Молотов – член Военно-Революционного комитета, руководившего Октябрьским восстанием в Петрограде, а затем один из руководителей Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

После Октябрьской революции Молотов ведет огромную, напряженную политическую, хозяйственную, военную, пропагандистскую работу в массах, которая отличала работу всей старой большевистской гвардии – Свердлова, Дзержинского, Орджоникидзе, Кирова, Ворошилова, Калинина и др. Он – председатель Совета Народного Хозяйства Северного района, политпросветчик Красной Армии, Председатель Нижегородского губисполкома, секретарь Донецкого губкома и ЦК КП(б) Украины.

Шла гигантская организаторская работа по разгрому контрреволюции, полчищ интервентов, созданию нового, невиданного в мировой истории строя народовластия и социалистической экономики. И Молотов с головой во всей этой работе.

С 1921 г., по рекомендации В.И. Ленина, он вошел в состав Политбюро ЦК и становится секретарем ЦК.

Со всей непреклонностью боролся он с троцкистами и бухаринцами и всегда занимал ортодоксальную позицию в проведении генеральной линии партии.

Далее на протяжении 35 лет Молотов был членом Политбюро ЦК, секретарем ЦК и Московского комитета партии, Председателем Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Оборона, народным комиссаром иностранных дел.

Таковы некоторые факты из биографии.

Всякому, кто так или иначе соприкасался с В. Молотовым, бросались в глаза некоторые его типические черты. Прежде всего – это партийная воспитанность и дисциплинированность, доходящая до абсолюта, до прямой фетишизации! Всякое решение ЦК, указание ЦК, даже порой телефонный звонок ответственного работника ЦК были для Молотова святыней. Все подлежало точному и безукоризненному исполнению в назначенный срок и любой ценой.

Так было во всем. Так было, в частности, в его международной деятельности. Получив директивы Президиума ЦК к участию в какой-нибудь международной конференции, Генеральной Ассамблее ООН или любом другом международном совещании, Молотов был непримирим и неистов в их осуществлении. Он обычно решительно отстранял всякие явные или замаскированные поползновения своих противников на дипломатическом поприще добиться какого-либо компромисса со стороны делегации Советского Союза. Поэтому в международных дипломатических кругах за Молотовым укрепилось звание «Господин «нет».

Возможно, что именно эта непоколебимая вера в непогрешимость ЦК, его решений, указаний его руководства были важнейшим источником догматизма Молотова и, больше того, причиной, почему В. Молотов, при всей своей безупречной честности, вместе с другими членами Политбюро оказался соучастником таких злодеяний Сталина, которые никогда не будут прощены историей.

В самом деле. Всякое решение ЦК – святыня. Всякое высказывание Ленина – святыня. Всякое указание Сталина – святыня. Но Ленин – это гений. Он оплодотворил своими великими идеями Революцию, и он же скрупулезно подготавливал законы, постановления, организационные мероприятия для воплощения этих идей в жизнь.

Вместе с тем Ленину было в высшей степени присуще чувство нового и диалектическое восприятие действительности, ее *критическое* осмысление. Как только начинали проклевываться первые признаки того, что выдвинутые им теоретические положения или принятые по его инициативе меры уже не соответствуют *новым* требованиям жизни, Ленин со всей силой обрушивался на старые постановления и отживающие институты и требовал привести их в соответствие с *новыми* условиями.

Очень многие доклады, выступления, статьи Ленина начинались словами: «...за отчетный период мы наделали много ошибок...», «за истекшее время с нашей стороны было допущено немало глупостей...».

И этот критический и самокритический дух нисколько не порочил Ленина. Наоборот, он возвышал его, показывал его неукротимую решимость двигаться все вперед, показывал стратегическую и тактическую мудрость руководимой им партии коммунистов.

Ленин был *коллективистом* и высоко ценил критический дух своих соратников по партии, даже если их критические стрелы направлялись в его сторону.

Сталин был человеком и деятелем другого склада. Он был очень осмотрителен в каждом своем слове. Но он был абсолютно нетерпим к какой бы то ни было критике в свой адрес, и все его теоретические положения, указания, практические меры должны были восприниматься как совершенно непреложные.

Молотов с его «сверхвоспитанностью», превращенной в догматизм, «сверхдисциплинированностью», превращенной в абсолютную покорность велениям свыше, с одержимостью фанатика сверхдобросовестно выполнял все, что исходило от Сталина, от ЦК, будучи убежденным, что это в интересах партии, народа, коммунизма. Такая убежденность довела в нем даже в тех случаях, когда сама жизнь властно ставила вопрос: «Разумно ли это?» Или даже когда действия Сталина очень больно били самого Молотова.

Свыше 30 лет рука об руку шел Молотов со Сталиным, с величайшим тактом отдавая ему приоритет во всем. И тем не менее Сталин, в качестве первого подступа к тому, чтобы политически дискредитировать Молотова и свести его с политической арены, приказал арестовать его жену, старую коммунистку и государственную деятельницу П. Жемчужину. Долгие дни и ночи держали ее в страшной одиночке, чтобы превратить в орудие изобличения Молотова.

Вслед за тем Сталин на Пленуме ЦК без всяких оснований выразил Молотову политическое недоверие, обвинил его в «капитуляции перед американским империализмом» и предложил не вводить Молотова в состав Бюро Президиума ЦК. Это и было сделано. В. Молотов принял это без единого слова протеста. И когда Н. Хрущев начал свою необузданную, доведен-

ную до невероятных крайностей, лишенную всякого учета общепартийных и государственных интересов СССР брань против мертвого Сталина, Молотов ни на секунду не поддался чувству личной обиды и допущенной в отношении его глубокой несправедливости со стороны Сталина. Казалось бы, что никакая сверхчеловеческая воля при аналогичных обстоятельствах не смогла бы предотвратить самую острую критику Сталина. Но Молотов обладает именно такой сверхчеловеческой выдержкой. Он решительно возражал против такой односторонней оценки и критики Сталина, которая могла бы причинить вред Коммунистической партии, Советской стране, мировому рабочему и коммунистическому движению. И он совершенно не заботился о том, чтобы в такой благоприятный для любого политика момент повисить свои собственные акции.

Молотову вообще были не присущи черты всякого ячества, самолюбования, которые, допустим, у того же Вышинского носили характер патологического «нарциссизма», а у Хрущева раздулись до таких размеров, что вызывали всеобщие издевки.

Молотов всегда был уравновешен, невозмутим, немногословен и никогда и ни в чем не старался выпятить себя на первый план. Выдержка Молотова, даже в самых драматических ситуациях, носила какой-то сверхчеловеческий характер.

Поражало и феноменальное трудолюбие Молотова. Занимая архиотвественные посты в партии и правительстве, Молотов не гнушался самой черновой работы.

Мне несколько раз приходилось по поручению Президиума ЦК вместе с Молотовым готовить дипломатические документы или редакционные статьи по международным вопросам для «Правды». В свои 65–67 лет Молотов, если нужно, мог сидеть и работать над документом целый день и всю ночь напролет. Все он делал очень скрупулезно.

Престиж Молотова в партии и в народе, особенно после победы во Второй мировой войне, был очень высок, и казалось, что теперь у смертного овра Сталина именно Молотов максимально активизируется и станет центром формирования руководящего ядра партии. Но этого не произошло.

Молотов сохранял свое каменное спокойствие и невозмутимость. Он, как и другие члены Президиума ЦК, нес свою очередную вахту у постели умирающего, занимался в полную меру сил текущими делами, но он не проявлял ни малейших признаков того, что он озабочен тем, что будет завтра, когда пробьет двенадцатый час Сталина.

После того как Сталин поручил сделать политический отчет ЦК на XIX съезде Г. Маленкову, казалось, что сам Маленков может в какой-то форме выразить свои претензии на главенствующую роль в партии. Но Маленков был достаточно опытен, чтобы проявить такую неосторожность. Он, как и все другие, прекрасно знал, как ревниво оберегает Сталин свою абсолютную монополию первой роли. Поэтому он смертельно опасался дать Сталину хоть малейший повод заподозрить его в претензии посягнуть на эту монополию. Это могло стоить ему головы.

В последний период крупнейшие государственные вопросы застревали у Сталина и не решались; и никто не осмеливался в прямой форме предложить Сталину собрать заседание Президиума ЦК для рассмотрения этих вопросов. Это могло вызвать подозрения у Сталина. Поэтому ждали какого-нибудь счастливого случая, чтобы как-то без риска напомнить Сталину, что такие-то крупнейшие вопросы требуют его немедленного рассмотрения.

Г. Маленков безупречно придерживался такой линии: всячески давал понять Сталину и всем другим, что инициатива постановки и решения любого вопроса может принадлежать только Сталину и никому больше.

Кроме того, Г. Маленков по своей натуре был лишен всяких диктаторских черт, и у меня сложилось впечатление, что он не был честолюбивым человеком. Он был мягок, податлив всяким влияниям и всегда испытывал необходимость притулиться к какому-нибудь человеку с сильной волей. И он притулялся: к Сталину, к Ежову, к Берии, затем к Хрущеву. Он был

идеальным и талантливым исполнителем чужой воли, и в исполнительской роли он проявлял блестящие организаторские способности, поразительную работоспособность, размах и рвение. Он не был человеком широкой инициативы или новатором. Но когда он получал какое-либо указание от Сталина, он ломал любые барьеры, мог идти на любые жертвы и затраты, чтобы выполнить это задание молниеносно, безукоризненно и доложить об этом Сталину. Поэтому в аппарате ЦК шутили, что Маленков всегда требует, чтобы всякое поручение Сталина было выполнено «вчера».

В своей преданности Сталину и убежденности в его непогрешимости он даже не ставил перед собой вопроса: будет ли от выполнения этого задания польза или вред государству?

В этом смысле Маленков был даже более правоверным, чем Молотов. В. Молотов по праву старейшего и наиболее влиятельного соратника Сталина мог позволить себе иногда в форме полувопроса, краткой реплики или подходящей шутки поспорить со Сталиным, взять кого-нибудь под защиту или поставить новый вопрос. Маленков не позволял себе таких вольностей и действовал только по формуле: «сказано – сделано».

В эти напряженные дни предсмертной агонии Сталина Г. Маленков делал все необходимое, что рекомендовали ему Хрущев, Берия, Булганин, Каганович и другие для организации лечения Сталина или для решения абсолютно неотложных дел. Но делал это так, чтобы в случае выздоровления Сталина его действия могли быть истолкованы только как вполне верно-подданнические. Судя по всему, он был действительно искренне привязан к Сталину.

У смертного одра Сталина, в атмосфере тягостных раздумий о будущем, неопределенности и тревоги среди членов Президиума ЦК, только, повторяю, Хрущев и Берия знали, чего они хотят.

Конечно, ни один человек в партии и стране не думал ни о Хрущеве, ни о Берии как о возможных преемниках Сталина на постах Председателя Совета Министров или Генерального секретаря ЦК. Но иного мнения держался каждый из этих двух, и всеми методами – посулами, лестью, интригами, устрашением – действовал в определенном направлении.

Безусловно, две трети из того широкого состава (36 человек) Президиума ЦК, который по предложению Сталина был избран на Пленуме ЦК после XIX съезда партии, оставались в стороне и во всех интимных, подготовительных обсуждениях участия не принимали.

Дежурили у постели больного Г. Маленков, Л. Берия, В. Молотов, К. Ворошилов, Н. Хрущев, Н. Булганин, Л. Каганович, А. Микоян, М. Сабуров, М. Первухин, Н. Шверник; последние – не всегда.

Стояли бархатные мартовские дни. На «ближней» даче недвижимо несли свою вахту великаны-сосны, закованные в белоснежные доспехи. Первозданной чистоты лебяжий пух покрывал парк, ледяное зеркало пруда. В лимонарии нежились оранжевые плоды цитрусовых. Бешено прыгали с ветки на ветку, крутили лапками деревянные барабаны бельчатника пуше-хвостые зверушки.

Сталин, бывало, подолгу стоял у бельчатника и со смехом следил за сальто-мортале белок. Чужа приближение весны, заводили свои мелодичные песенки кокетливые синицы в черных беретиках. Шустрые клесты трудились над еловыми шишками. С отвратительным карканьем бросалось на кухонные отбросы воронье.

Но каменная тишина и непоколебимая размеренность жизни на «ближней» даче были сейчас нарушены. Необычно часто въезжали и выезжали машины с людьми, продуктами, баллонами, кислородными подушками...

Дежурные члены Президиума рассматривали текущие бумаги, прохаживались в одиночку, парами и группами по парку, заглядывали в бильярдную.

Позже Н. Хрущев с присущей ему красочностью многократно рассказывал нам, как проходили эти дежурства.

Конечно, больше всего говорили о том, как перестроить партийное руководство, управление хозяйством после смерти Сталина; из кого составить руководство, как распределить портфели. Спрашивали мнение у каждого.

Характерно, что Л. Берия с первого же разговора предложил объединить Министерство государственной безопасности и Министерство внутренних дел в одно – Министерство внутренних дел СССР – и сделать его министром этого объединенного министерства. Хрущев по этому поводу заметил: «Я сразу смекнул, куда гнет Берия. Ведь в руках такого министра будут и вся вооруженная охрана членов правительства, и вся милиция, и дивизии МГБ, и пограничные войска. Но я, конечно, не подал ему и вида, что кумекаю, куда ведут его планы. Наоборот, я все время говорил ему: конечно, Лаврентий, так и сделаем, это самое правильное будет; а про себя думал: погоди, голубчик, все будет не так, как ты замышляешь!»

Берия с трудом скрывал свое ликование по поводу постигшего Сталина удара. Он пылливо и въедливо допрашивал дежуривших у постели профессоров о малейших зигзагах в течении болезни и лихорадочно ждал, когда же наступит желанная развязка. Но вместе с тем Берия не покидала сосущая внутренняя тревога: кто его знает, не выкарабкается ли Сталин из кризиса, не преодолеет ли болезнь?

И действительно, утром 4 марта под влиянием экстренных лечебных мер в ходе болезни Сталина как будто наступил просвет. Он стал ровнее дышать, он даже приоткрыл один глаз, и присутствовавшим показалось, что во взоре его мелькнули признаки сознания. Больше того, им почудилось, что Сталин будто хитровато подмигнул этим полуоткрывшимся глазом: ничего, мол, выберемся!

Берия как раз находился у постели. Увидев эти признаки возвращения сознания, он опустился на колени, взял руку Сталина и поцеловал ее. Однако признаки сознания вернулись к Сталину лишь на несколько мгновений, и Берия мог больше не тревожиться.

Хрущев, естественно, не рассказывал, какие мысли обуревали его в эти предсмертные дни и часы Сталина. Но эти мысли скоро, очень скоро стали проступать все отчетливее и материализоваться.

Все близкие к ЦК люди знали, что Хрущев – фаворит Сталина. За последний период патологические черты в психологическом состоянии диктатора все нарастали. Это обуславливало и изменения в его отношении к окружающим. Он уже опасался Берии и часто избегал встреч с ним. Он уже зачислял в разряд вражеских лазутчиков Молотова, Ворошилова, Микояна. В своей маниакальной одержимости он периодически менял работников МГБ и обслуживавших его лиц. Но именно в этот период дошедшей до апогея подозрительности Сталин потребовал перевода в Москву Хрущева и сделал его секретарем Центрального и Московского комитетов партии.

Но Хрущев не довольствовался положением одного из секретарей ЦК. После И. Сталина вторым секретарем ЦК был А. Жданов, а после его смерти Г. Маленков. Хрущев исходил из того, что главенствующее положение в ЦК дает возможность расставлять нужным образом кадры во всех сферах государственной, экономической и общественной жизни, руководить всеми республиканскими и местными партийными организациями, держать в своих руках все ключевые позиции управления. И Хрущев рвался на первую роль в этой сфере, лелея те же честолюбивые мечты, что и Берия, но избрав для достижения своих целей другие, обходные пути.

В предварительных переговорах Хрущев сразу заявил, что хотел бы целиком сосредоточиться на работе в Центральном Комитете партии и освободиться от обязанностей секретаря Московского комитета. С этим согласились все, не предвидя тогда, к каким роковым последствиям это может повести.

В. Молотов был по-прежнему замкнут, каменно холоден, словно все нарастающее кипение страстей не имеет к нему никакого отношения.

В этих условиях назначение покладистого, не особенно самостоятельного и лишённого претенциозности Г. Маленкова на пост Председателя Совета Министров СССР казалось на данной стадии приемлемым. Оно было пока приемлемым и для Берии и Хрущева, для каждого из них – со своих особых позиций, со своим дальним прицелом.

...Машина мчалась по улице Горького. В унисон этому бешеному бегу в мозгу бушевал вихрь мыслей, воспоминаний, вопросов, образов. Улица Горького сверкала разноцветными огнями фонарей, витрин, вывесок, как в новогоднюю ночь. Охотный Ряд. Красная площадь – величественная, притихшая.

Мы срезаем угол перед Лобным местом и подъезжаем к Спасским воротам. Шофер сильно притормаживает машину. С обеих сторон к боковым стеклам приникают офицеры охраны Кремля, в меховых бекешах и шапках. Они узнают, не требуют предъявления документа и дают знак на проезд.

Вот Спасская улица и Ивановская площадь. Всюду разлита какая-то особенная торжественная тишина и таинственность. Должностные лица с пропусками в руках, войдя в Спасские ворота, деловым шагом, не задерживаясь и не останавливаясь, проходят обычно налево через калитку в железной стене к зданию Верховного Совета СССР или через еще один пропускной пункт направо, к зданию Совета Министров СССР.

Громадная же Ивановская площадь всегда пуста. Только через размеренные интервалы гулко печатает брусчатку разводной караул, производящий смену многочисленных постов, да изредка прошуршит правительственная машина. И только в дни съездов партии, Пленумов ЦК и сессий Верховного Совета в Кремле появлялись вереницы людей, да и те проходили лишь в определенных местах и по определенным направлениям.

В этом каменном безмолвии в мозгу, как в калейдоскопе, проносятся картины буйной жизни старого Кремля. Вот здесь, налево от Спасских ворот, помещался Разбойный приказ, а здесь справа на месте нынешнего здания Президиума Верховного Совета СССР, а затем Кремлевского театра стояли Вознесенский и Чудов монастыри. Впереди на Соборной площади, как и в наши дни, царственно возвышались Успенский и Архангельский соборы, храм и златоглавая колокольня Ивана Великого с Царь-колоколом у его подножия. Вот там, перед спуском к Москве-реке, находился Посольский приказ, а там и Разрядный (воинский), Поместный и Стрелецкий приказы.

С раннего утра и до глубокой ночи клокотала Ивановская площадь.

Сотни людей в разномастных одеждах толпились у дверей приказов. С высоких помостов подъячие зычно, «во всю Ивановскую», оглашали народу указы и повеления. Толпы зевак, лузгающих семечки, поедающих сайки и требушину, толпились в разных местах площади, где у столбов или на «козлах» истязали ременными кнутами или батогами провинившихся. Тут же скоморохи и медвежатники, гудошники услаждали народ своим искусством. Из храмов доносились священные песнопения. В воздухе стоял несмолкаемый гул.

А теперь тишина, такая тишина!..

Мимо здания Совета Министров машина сворачивает направо. Когда-то у поворота, на углу Троицкой площади стоял двор боярина Бориса Годунова. Вот Арсенальная площадь с монументальным зданием Арсенала. Мимо кремлевской квартиры Сталина машина направляется в сторону Никольских ворот. Здесь, против Арсенала, на месте бывшего двора Трубецких, великий русский зодчий М.Ф. Казаков в 1788 г. воздвиг здание для Соборания московского дворянства; но оно отдано было под учреждения Сената.

С марта 1918 г. это здание стало резиденцией Советского правительства. Здесь был рабочий кабинет В.И. Ленина и его удивительно скромная четырехкомнатная квартира, в которой он, после переезда правительства в Москву, жил и трудился вместе с женой Н.К. Крупской и сестрой М.И. Ульяновой.

Старинное крыльцо с железным навесом. Это вход в служебное помещение Сталина, а поскольку все связанное с его именем считалось секретным и зашифровывалось, то это место называлось «уголок», а вызов сюда именовался «вызовом на уголок».

Небольшой темноватый вестибюль. Вешалка. Здесь полагалось раздеваться. Я только успел снять пальто, как послышалось шелковистое шуршание подъезжающих машин, хлопанье дверей и шум голосов. Оказывается, после звонка М. Сулова ко мне о немедленном приезде на «ближнюю» дачу решили: членам Президиума не оставаться с покойным, а вернуться в Москву, в кабинет Сталина, где обычно проходили заседания Политбюро, и там обсудить все неотложные вопросы.

В несколько приемов поднялись лифтом наверх. Небольшой проходной зал. Направо дверь в широкий коридор. Здесь массивная дверь вела в просторную приемную Сталина. Большой стол и тяжелые стулья. На столе обычно лежали важнейшие иностранные газеты – американские, английские, французские и т. д., – стопки бумаги и карандаши. Отсюда дверь вела в кабинет помощника Сталина А.Н. Поскребышева. Около его письменного стола во время заседаний Политбюро или приема у Сталина находились два-три полковника или генерала из охраны Сталина.

Но сегодня никто не задерживался в приемной или у А. Поскребышева. Все прибывшие члены Президиума ЦК сразу проследовали в кабинет Сталина. Сразу приглашен был и я.

Знакомый просторный кабинет. Справа от входной двери высокие окна, выходящие на Красную площадь. Белые шелковые гофрированные задерживающиеся шторы. В углу у одного из окон большой письменный стол. На нем чернильный прибор, книги, бумаги, пачка отточенных черных карандашей, которыми чаще всего Сталин пользовался для своей работы; модели каких-то самолетов.

Слева у стены длинный прямоугольный стол для заседаний, обтянутый сукном, вокруг стола и в простенках стулья. У письменного стола всегда открытая дверь, ведущая в комнату отдыха Сталина. Сквозь эту открытую дверь виден огромный глобус. На стене портреты Маркса, Ленина, Суворова, Кутузова. В голове стола для заседаний – кресло председательствующего. На паркетном полу – красивая ковровая дорожка.

Атмосфера этого первого заседания Президиума ЦК после смерти Сталина была слишком сложной, чтобы охарактеризовать ее какой-нибудь одной фразой. Но в последующие месяцы и годы я часто вспоминал это ночное заседание в часы и минуты, когда на «ближней» даче остывало тело усопшего диктатора.

Когда все вошли в кабинет, началось рассаживание за столом заседаний. Председательское кресло Сталина, которое он занимал почти 30 лет, осталось пустым, на него никто не сел. На первый от кресла Сталина стул сел Г. Маленков, рядом с ним – Н. Хрущев, поодаль – В. Молотов; на первый стул слева сел Л. Берия, рядом с ним – А. Микоян, дальше с обеих сторон разместились остальные.

Меня поразила на этом заседании так не соответствовавшая моменту развязность и крикливость двоих людей – Берии и Хрущева. Они были по-веселому возбуждены, то тот, то другой вставляли скабрзные фразы. Восковая бледность покрывала лицо В. Молотова, и только чуть сдвинутые надбровные дуги выдавали его необычайное душевное напряжение. Явно расстроен и подавлен был Г. Маленков. Менее горласт, чем обычно, Л. Каганович. Смешанное чувство скрытой тревоги, подавленности, озабоченности, раздумий царило в комнате.

Это не было стандартное заседание с организованными высказываниями и сформулированными решениями. Отрывочные вопросы, возгласы, реплики перемежались с рассказами о каких-то подробностях последних дней и часов умершего. Не было и официального председательствующего. Но в силу ли фактического положения, которое сложилось в последние дни, в силу ли того, что вопрос о новой роли Г. Маленкова был уже обговорен у изголовья умирающего, – все обращались к Маленкову. Он и резюмировал то, о чем приходили к решению.

Так или иначе, на первом этом заседании решен был ряд важных вопросов. Условились о патолого-анатомическом исследовании и бальзамировании тела Сталина. Кажется, М. Суслову и П. Поспелову поручено было немедленно подготовить обращение от ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета ко всем членам партии, ко всем трудящимся Советского Союза о смерти Сталина.

Создана была правительственная комиссия по организации похорон под председательством Н. Хрущева, с участием Л. Кагановича, Н. Шверника и др.

Единодушно и без особого обсуждения решено было соорудить саркофаг с набальзамированным телом Сталина и поместить его в Мавзолей на Красной площади, рядом с саркофагом В.И. Ленина. При этом кто-то (не помню кто) внес предложение о сооружении в Москве монументального здания-пантеона, как памятника вечной славы великих людей Советской страны. Имелось в виду, что в пантеон будут перенесены из Мавзолея саркофаги В.И. Ленина и И.В. Сталина, а также останки выдающихся деятелей, захороненных у Кремлевской стены. Помню, что Н. Хрущев предложил соорудить такой пантеон в новом Юго-Западном районе Москвы. Но условились сейчас не предрешать этого вопроса. Еще будет время подумать об этом.

Условились на следующий день созвать Пленум ЦК, на котором решить самые неотложные вопросы руководства партией и страной.

...Кремлевские площади были безлюдны и безмолвны. По опустевшим ночным улицам Москвы я возвращался в «Правду» выпускать траурный номер.

Дворники со скрежетом сдирали с тротуаров ледяную корочку. У продуктовых магазинов разгружались огромные крытые машины. Подгоняемые морозцем, торопливо двигались немногочисленные прохожие. Четко печатала асфальт двигавшаяся строевым шагом куда-то воинская часть. Медленно падал на город редкий и легкий снежок. Как будто все было как обычно, ничто не изменилось в древней столице. Тем не менее я ехал в своем ЗИСе с таким чувством, будто в гигантской машине государства что-то надломилось в главном механизме. Все колесики, шестерни, трансмиссии – все работает по-прежнему бесперебойно, и все же произошло что-то очень большое, серьезное, чреватое огромными последствиями для судеб страны – и не только нашей страны.

«Да нет же, – гнал я от себя тревожные и неясные мысли. – Какие последствия? Почему?»

Сухой снег неистово завихрялся перед режущими его фарами. Через полуоткрытую боковую створку окна врывался ветер и насвистывал что-то тоскливое, тревожное.

...Набальзамированный прах Сталина в гробу выставлен был для прощания в Колонном зале Дома союзов. Море знамен и цветов. Траурные мелодии оркестра и хора.

Почти тридцать лет назад в этом зале студентом-комсомольцем прощался я с бесконечно дорогим народу Лениным. Теперь – Сталин. Между этими двумя историческими вехами пролегла великая эпоха, в течение которой страна совершила гигантский скачок вперед. Она стала могучей индустриально-колхозной державой, знаменосцем новой эры. Мне довелось несколько раз за эти дни стоять в почетном карауле: с правдистами, членами ЦК и военными деятелями. Гроб был обит ярко-красным шелком; красное покрывало на ногах; красная подушка. А вокруг гроба огромные белые хризантемы, белые гиацинты, белая сирень, белые розы. На этом фоне целомудренных белых цветов красная обивка гроба, красное покрывало, красная подушка вызывали какие-то неоформленные, но страшные ассоциации.

Сталин одет был в мундир генералиссимуса, который он сам себе придумал, пока художники по заказу интендантов бились над эскизами, долженствующими, по их мнению, быть какими-то сверхъестественными и уникальными. Сталин взял обычный генеральский китель, пристроил к нему пару обычных позолоченных петлиц и, явившись в таком одеянии на какое-то заседание, положил тем самым конец дальнейшим интендантским изысканиям. Над левым карманом кителя – орденские ленточки.

Лицо Сталина неправдоподобно бледно, и в выражении появилась новая черта, которой у него никогда не было при жизни, – скорбность, словно в момент расставания с жизнью он испытывал большие муки. Это выражение сохранилось, конечно, и тогда, когда он лежал уже в саркофаге в Мавзолее.

Я смотрю на руки Сталина – бледные, с коричневыми пятнами. И мне эти руки кажутся непропорционально большими и очень сильными.

Непрерывная вереница людей двигалась через Колонный зал с раннего утра и все ночи. А на улицах и площадях больших и малых городов, в селах и рабочих поселках собирались люди, огромные массы людей. Они с тревогой и скорбью вслух или немymi взорами вопрошали:

– Что же теперь будет?

На траурных митингах люди не по подсказке, с полной искренностью изливали свои чувства горести. Авторитет Сталина в широчайших массах был очень высок. Всемирно-историческая победа в Отечественной войне, быстрое восстановление и дальнейший бурный подъем экономики, отмена карточной системы, ежегодное снижение цен и ощутимый рост народного благосостояния – все это воплощалось в Сталине.

Сокрушительный разгром фашизма, сдержанность и разумность сталинского подхода при решении ряда сложных международных проблем, его твердый курс на мир между народами снискали Сталину уважение не только среди трудового люда, интеллигенции, но и среди очень многочисленных государственных и общественных деятелей всего мира. Именем Сталина за рубежом называли площади, улицы и целые города.

В свете грандиозных побед как-то поблекли и отошли в далекое прошлое даже злодеяния 1937–1939 гг. Да они чаще всего в сознании очень многих людей и не связывались прямо со Сталиным. Напротив, считалось, что эти злодеяния учинялись какими-то злыми людьми без ведома Сталина, а как только Сталин узнавал о них, он беспощадно карал лиц, виновных в нарушении законности.

В «Правду» шел гигантский поток телеграмм, писем, статей о Сталине. Писали выдающиеся общественные деятели со всего мира, писатели и ученые, рабочие и колхозники, взрослые и дети – люди всех национальностей Страны Советов. У меня неумолчно звонили телефоны: все просили обязательно поместить посланную статью, заметку, телеграмму с выражением скорби. Что это – неискренность, притворство? НЕТ, перед мертвым Сталиным уже не нужно было лицемерить.

«Мы, – писал Александр Фадеев, – дети эпохи Сталина. Все лучшее в нас, в наших делах слагалось и слагается, проявлялось и проявляется под могучим влиянием учения Сталина, организаторского гения Сталина, личности Сталина...»

«Сталин – величайший из гуманистов, которых когда-либо знал мир...»

«Многие, многие века будет сиять священное имя Сталина, озаряя путь всему человечеству!..» (номер «Правды» за 12.03)

А вот письмо в «Правду» народной артистки СССР А.К. Тарасовой:

«Я вижу сейчас его лицо, его улыбку, его добрые глаза, чувствую теплое пожатие его руки... Как много давали каждому из нас его мудрые, окрыляющие указания и советы, помогающие творчеству!» (12.03)

Луи Арагон:

«Разве не ему мы обязаны тем, что мы стали такими, какие мы есть!.. Он был великим учителем, чей ум, знания и пример воспитали людей нашей партии – партии Мориса Тореза, тысячи сынов которой умирали за дело свободы, произнося в последнюю минуту имя Сталина и имя Франции!..» (12.03)

Великий вождь китайского народа Мао Цзэдун:

«С беспредельной скорбью китайский народ, китайское правительство и я лично узнали о кончине самого дорогого друга и великого учителя китайского народа товарища Сталина...»

Победа китайской народной революции совершенно неразрывно связана с постоянной заботой, руководством и поддержкой, которую оказывал товарищ Сталин на протяжении последних 30 с лишним лет... Немеркнущий светоч товарища Сталина будет всегда озарять путь, по которому идет китайский народ...»

Многие письма потрясли глубиной и искренностью своих чувств. Казалось, что скорбные слова пропитаны капельками крови сердца, судорожно сжимающегося от неизбывного горя. Среди многих тысяч людей так писала талантливая Ольга Берггольц. Я знал, какие нечеловеческие страдания приняла она в страшные годы разгула беззакония. Я знал, какова была чаша горя, испитая ею в пору блокады Ленинграда. И вот вынесшая все муки прошлого Ольга Берггольц писала:

Обливается сердце кровью...
Наш родимый, наш дорогой!
Обхватив твое изголовье,
Плачет Родина над тобой.

Плачет Родина, не стирая
Слез, струящихся по лицу,
Всею жизнью своей присягая
Полководцу,
Вождю,
Отцу.

Наш родимый, ты с нами, с нами,
В каждом сердце живешь, дыша,
Светоносное наше знамя,
Наша слава, наша душа!

Пальмиро Тольятти:

«От нас ушел человек, к которому с огромной любовью, преданностью и благоговением были обращены сердца миллионов людей, сердца целых народов, – и тех, которые уже сбросили с себя ярмо рабства, и тех, которые еще ведут борьбу за свое освобождение. От нас ушел величайший гений – гигант мысли и действия!» (14.03)

Премьер Индии Джавахарлал Неру:

«Смерть вырвала из современного мира личность исключительных дарований и великих достижений. История России и всего мира всегда будет носить отпечатки его усилий и достижений!» (7.03)

Александр Твардовский:

В этот час величайшей печали
Я тех слов не найду,
Чтоб они до конца выражали
Всенародную нашу беду!.. (7.03)

Бригадир тракторной бригады, Герой Социалистического Труда П. Ангелина:

«Сталин! Это имя, окруженное безупречным уважением и любовью народа, я глубоко пишу в своем сердце. Великий Сталин научил меня, простую крестьянку, дочь батрака, жить и работать для блага моей страны, для моего народа!..» (8.03)

Михаил Шолохов:

«Осиротели партия, советский народ, трудящиеся всего мира... Отец, прощай! Прощай, родной и до последнего вздоха любимый отец! Как многим мы тебе обязаны. Ты всегда будешь с нами и с теми, кто придет в жизнь после нас...» (8.03)

Маршал А.М. Василевский:

«Советские воины потеряли горячо любимого отца и гениального полководца, Генералиссимуса Советского Союза товарища Сталина, с именем которого неразрывно связаны вся история Советской Армии и Военно-Морского Флота СССР, все их славные победы над врагами нашей Родины...» (9.03)

Михаил Исаковский:

Все, что в народе счастьем называлось,
Его руками было нам дано.
И сколько б слез о нем ни проливалось,
Его нельзя оплакать все равно!.. (9.03)

Так изливались чувства скорби огромного числа людей.

Холодный мартовский ветер пронзительно выл в водосточных трубах, хлопал дверьми в подъездах, с неистовой злобой гнал по тротуарам прошлогодние почерневшие листья, обрывки газет, спичечные коробки.

В эти траурные дни я круглые сутки был занят редакционными делами, а в моей памяти то и дело одна за другой всплывали картины встреч со Сталиным: Красная площадь, Большой театр, Андреевский зал, Кремлевский дворец, рабочий кабинет Сталина, зал заседаний Политбюро, Свердловский зал... Но больше всего, и неотвязно, представлялась мне небольшая комната – библиотека на «ближней» даче, и в ней на полу у дивана распростершийся Сталин.

С этой комнатой у меня были связаны воспоминания о Сталине как об ученом.

Я так живо представлял себе весь этот эпизод в действии.

Был воскресный день. Мы с женой отправились отдохнуть в Театр оперетты. Все шло хорошо и весело. Начался последний акт. Вдруг кто-то торопливо зашептал мне на ухо:

– Товарищ Шепилов, просьба срочно выйти – вас вызывает Кремль.

Из кабинета директора я позвонил по переданному мне телефону.

– Товарищ Шепилов? Говорит Чернуха; товарищ Сталин просит вас позвонить ему.

– Товарищ Чернуха, я ведь в театре, да еще в таком легкомысленном. Тут нет кремлевского телефона; разрешите, я подъеду к Моссовету – тут недалеко, и оттуда позвоню.

Чернуха:

– Да не нужно этого. Я доложил товарищу Сталину, где вы находитесь, и спросил, тревожить ли вас. Он сказал – потревожить, и чтоб вы ему позвонили. Звоните, он ждет у простого телефона. Вот номер...

Я позвонил.

В трубке сразу же отозвался очень знакомый, тихий, глухой голос:

– Сталин.

Я назвал себя и поздоровался.

Сталин:

– Говорят, вы в театре? Что-нибудь интересное?

Я:

– Да, такая легкая музыкальная комедия.

Сталин:

– Потолковать бы нужно. Вы не могли бы сейчас ко мне приехать?

Я:

– Могу.

Сталин:

– А вам не жалко бросать театр?

Я:

– Нет, не жалко.

Сталин:

– Ну, тогда приезжайте на «ближнюю». Чернуха вам все организует.

Через несколько минут я уже был в Кремле у В. Чернухи. Он отдал все необходимые распоряжения. И вот я уже мчался по Можайке. Очевидно, предупреждение было сделано по всему маршруту, потому что у Поклонной горы при моем приближении молниеносно был поднят шлагбаум; зеленые ворота «ближней» дачи тоже распахнулись сразу. И вот я у входных дверей дачи. На ступенях меня встретил полковник государственной безопасности, проводил в прихожую и сразу же бесшумно исчез. И больше за два с половиной часа пребывания на даче я не видел из охраны ни единого человека.

Я снял пальто у вешалки и, когда обернулся, увидел выходящего из дверей рабочего кабинета Сталина. Он был в своем всегдашнем сером кителе и серых брюках, то есть в костюме, в котором он обычно ходил до войны – должно быть, лет двадцать. В некоторых местах китель был аккуратно заштопан. Вместо сапог на ногах у него были тапочки, а брюки внизу заправлены в носки.

Он поздоровался и сказал:

– Пойдемте, пожалуй, в эту комнату – здесь нам будет покойней.

Это и была та первая справа от входа комната, которую я условно называю библиотекой и в которой со Сталиным впоследствии произошла катастрофа.

По приглашению хозяина я сел в кресло у столика, на который положил записную книжку и карандаш. Но Сталин сразу неодобрительно покосился на эти журналистские средства производства. Я понял, что записывать не следует. Сталин вообще не любил, когда записывали его слова! Впоследствии он неоднократно на встречах с нами, учеными-экономистами, работавшими над учебником политической экономии, делал нам замечания:

– Ну что вы уткнулись в бумагу и пишете? Слушайте и размышляйте!

И нам приходилось тайком на коленях делать себе какие-нибудь иероглифические пометки с последующей расшифровкой их.

Но здесь беседа шла с глазу на глаз, и незаметное писание исключалось.

За все время беседы Сталин ни разу не присел. Он расхаживал по комнате своими обычными медленными шажками, чуть-чуть по-утиному переминаясь с ноги на ногу.

– Ну вот, – начал Сталин. – Вы когда-то ставили вопрос о том, чтобы продвинуть дело с учебником политической экономии. Вот теперь пришло время взяться за учебник по-настоящему. У нас это дело монополизировал Леонтьев и умертвил все. (Член-корреспондент Академии наук СССР М.А. Леонтьев подготовил несколько первоначальных набросков-проектов учебника, но они не были приняты Сталиным. – Д. Ш.) Ничего у него не получается. Надо тут все по-другому организовать. Вот мы думаем вас ввести в авторский коллектив. Как вы к этому относитесь?

Я поблагодарил за честь и доверие.

Сталин продолжал:

– А кого вы еще рекомендуете в авторский коллектив?

Я не был подготовлен к этому вопросу, но, подумав немного, назвал фамилии двух наиболее квалифицированных профессоров-экономистов.

Смеясь, Сталин сказал:

– Ну вот вы и раскрываете свою фракцию.

Я не имел к названным мною профессорам ни особого доброжелательства, ни тем более недоброжелательства, но почувствовал, что из моей поспешной рекомендации могут быть сделаны самые неожиданные выводы. Поэтому я сказал, что вопрос об авторах требует более тщательного продумывания.

Сталин:

– А вы читали последний макет учебника? Как вы его оцениваете?

Я с максимальной сжатостью изложил свои оценки и замечания, считая, что для дела важно выудить не из меня, а из Сталина возможно больше замечаний, соображений, советов – как построить учебник политической экономии. И дальше в течение двух с половиной часов говорил почти один Сталин.

Потом я убедился, что многое из того, чем он делился со мной, он изложил затем на авторском коллективе. Вообще, из некоторых других эпизодов у меня сложилось впечатление, что Сталин считал необходимым в отдельных случаях предварительно поразмышлять вслух и проверить некоторые свои мысли и формулы. Это проистекало из исключительного чувства ответственности, присущего Сталину, не только за каждое слово, но и за каждый оттенок, который может быть придан его слову.

В этой области контраст со Сталиным был особенно разителен, когда к руководству пришел Хрущев.

Хрущев страдал патологическим недержанием речи, всякое чувство ответственности за слова было у него потеряно.

В порядке прилива показной храбрости Хрущев мог экспромтом в публичном выступлении предъявить, скажем, союзным великим державам ультиматум: «В 6-месячный срок («к маю») подписать мирный договор с Германской Демократической Республикой. Если это не будет сделано, то...» – дальше следовали прямые угрозы со ссылкой на то, что Советский Союз имеет такой запас атомных бомб, что может снести все на земном шаре, и т. д.

На протяжении тридцатилетнего сталинского руководства все государственные деятели мира привыкли с предельной серьезностью относиться к каждому слову «русских», «большевиков», которые слов на ветер не бросают. И естественно, по традиции после такого ультиматума Хрущева следовали дополнительные миллиардные ассигнования на увеличение производства вооружений. Генеральные штабы США, Англии, Франции, НАТО начинали принимать предупредительные меры по защите Западного Берлина от «русского нашествия». Весь мир впадал в состояние ожидания войны. Но наступал намеченный ультиматумом май, Хрущев снова повторял свой ультиматум с переносом срока уже на май следующего года. Результат – тот же.

Вполне понятно, что больше всего выигрывали от этой словесной безответственности империалистические монополии по производству оружия.

Такой же эффект был и от многих других публичных выступлений Хрущева. Как болтливая кухарка не может удержаться от того, чтобы разболтать соседке, что она подсмотрела у хозяев, так и Хрущев был абсолютно не в состоянии молчать, в том числе хранить государственную тайну. Его буквально распирало от неодолимой потребности похвастать тем, что он узнал или увидел.

Вот один из образчиков публичных выступлений такого рода:

– Я вчера посетил один из наших военных заводов по производству ракетной техники. Знайте, что мы уже поставили производство баллистических ракет на конвейер. Каждую минуту с конвейера, как колбасы, вылетают ракеты.

Конечно, квалифицированные эксперты генеральных штабов империалистических стран серьезно и тщательно оценивали, какая доля правды была в этом бахвальстве. Но беда заклю-

чалась в том, что за каждым таким выступлением Хрущева следовали законопроекты в конгрессе США и парламентах великих европейских держав о дополнительных ассигнованиях на вооружения, чтобы догнать СССР, который уже «поставил производство ракет на конвейер».

Когда в 1961 г. американский разведчик Пауэрс на специальном самолете «Локхид У-2» вторгся в воздушное пространство СССР вплоть до Урала и был сбит нашей противовоздушной обороной, Хрущев сделал публичное заявление:

– У нас теперь есть такие автоматические зенитные комплексы и такие противоракетные средства, что мы можем без промаха муху в космосе сбить!

Это было пустое бахвальство. Но оно послужило основой для крупных дополнительных ассигнований военному министерству США.

Сталин даже в беседах с глазу на глаз говорил очень сдержанно и очень тщательно и точно формулировал свои мысли.

В описываемой ночной беседе Сталин затронул большой круг теоретических проблем. Он говорил о мануфактурном и машинном периоде в развитии капитализма, о заработной плате при капитализме и социализме, о первоначальном капиталистическом накоплении, о домонополистическом и монополистическом капитализме, о предмете политической экономии, о великих социальных утопистах, о теории прибавочной стоимости, о методе политической экономии и многих других достаточно сложных вещах.

Говорил он даже о трудных категориях политической экономии очень свободно и просто. Чувствовалось, что все в его кладовых памяти улеглось давно и капитально. При анализе абстрактных категорий он опять-таки очень свободно и к месту делал исторические экскурсы в историю первобытного общества, Древней Греции и Рима, Средних веков. Казалось бы, самые отвлеченные понятия он связывал с злободневными вопросами современности. Во всем чувствовался огромный опыт марксистского пропагандиста и публициста.

У меня сложилось твердое убеждение, что Сталин хорошо знает тексты классических работ Маркса и Ленина. Так, например, излагая свое понимание мануфактурного и машинного периодов в истории капитализма, Сталин подошел к книжной полке и достал первый том «Капитала» Маркса. Том был старенький, потрепанный и порядком замусоленный – видно было, что им много пользовались. Не заглядывая в оглавление и листая страницы, Сталин довольно быстро находил в разных главах «Капитала» те высказывания Маркса, которыми он хотел подтвердить свои мысли.

Стараясь доказать правоту своей позиции аргументами теоретического, логического, исторического характера, Сталин говорил:

– Но дело не только в Марксе. Возьмите, как ставил эти вопросы Ленин.

Сталин снова подошел к полкам, долго перебирал книги, но не нашел нужного источника. Он вышел из комнаты и через несколько минут вернулся с объемистым и тоже зачитанным томиком. Это оказалась работа Ленина «Развитие капитализма в России». Сталин, как и в «Капитале» Маркса, легко находил и цитировал нужные ему места в ленинском исследовании.

В ходе беседы Сталин критиковал некоторые относящиеся к теме беседы положения Ф. Энгельса, и эта критика не казалась мне неаргументированной.

Расхаживая по комнате, Сталин почти непрерывно курил свою трубку. Он подходил к столику, за которым я сидел, брал из коробки папиросу, ломал ее в месте соединения мундштука с куркой и набивал табаком из гильзы свою трубку. К концу беседы он откуда-то достал толстую сигару, раскурил ее, вставил в трубку, и комната наполнилась крепким никотинным ароматом.

Я улучил подходящую минуту и сказал:

– Товарищ Сталин, вы так много курите, ведь вам, наверное, нельзя этого?

Сталин:

– А вы невнимательны; я же не затягиваюсь. Я просто так: пых-пых. Раньше затягивался, теперь не затягиваюсь.

Меня не могло не поразить, какое первостепенное значение придавал он теории.

Сталин сказал примерно так:

– Вот вам и вашим коллегам поручается написать учебник политической экономии. Это историческое дело. Без такого учебника мы не можем дальше двигаться вперед. Коммунизм не рождается, как Афродита, из пены морской. И на тарелке нам его не поднесут. Он строится нами самими на научной основе. Идея Маркса – Ленина о коммунизме должна быть материализована, превращена в явь. Каким образом? Через посредство труда на научной основе.

Для этого наши люди должны знать экономическую теорию, экономические законы. Если они будут их знать, мы все задачи решим. Если не будут знать – мы погибнем. Никакого коммунизма у нас не получится.

А разве наши люди знают экономическую теорию? Ни черта они не знают. Старики знают – старые большевики. Мы «Капитал» штудировали. Ленина зубрили. Записывали, конспектировали. Нам в этом тюрьмы, ссылки помогли; хорошими учителями были. А молодые кадры? Они же Маркса и Ленина не знают. Они по шпаргалкам и цитатам учатся.

Вот ваш учебник надо так сделать, чтобы это не шпаргалка была, не цитатничество. Нет. Он должен хорошо разъяснять все экономические законы, все понятия, категории, которые есть в «Капитале», у Маркса и у Ленина. После такого учебника человек должен переходить к трудам Маркса и Ленина. Тогда образованные марксисты будут; хозяйство грамотно на научной основе вести будут. Без этого люди вырождаются; пропадем. Поэтому учебник политической экономии нужен нам как воздух.

Сталин несколько раз в очень энергичных выражениях говорил, что вопрос стоит именно так: «либо – либо». Либо наши люди овладеют марксистской экономической теорией, и тогда мы выйдем победителями в великой битве за новую жизнь. Либо мы не сумеем решить этой задачи, и тогда – смерть!

Он вынул изо рта трубку и несколько раз сделал резкие движения у горла, словно перерезая его.

– Конечно, – продолжал Сталин, – для этого нужно, чтобы в учебнике все было ювелирно отточено, взвешено каждое слово. А что сейчас? Вот я прочитал, что сделала группа Леонтьева. Сколько болтовни! Сколько чепухи всякой! То вдруг империалистов ругать начинают: вы такие-сякие; то вдруг всякие комсомольские штучки начинаются, агитка базарная. Учебник должен на сознание воздействовать, помогать законы общества познавать. А тут не поймешь, на что он воздействует – на желудок, что ли?

Возьмите за образец, как писал Маркс «Капитал», как писал Ленин «Развитие капитализма...». Имейте в виду, налегке у вас это дело не пройдет. Мы к каждому слову у вас придираться будем.

Воспользовавшись паузой, я спросил:

– Можно ли рассчитывать, что вы будете редактировать то, что мы подготовим?

Сталин:

– Посмотрим, как напишете. Но от моего редактирования вам легче не будет, я вам спуска не дам.

В процессе беседы Сталин вдруг спросил меня:

– Когда вы пишете свои статьи, научные работы, вы пользуетесь стенографисткой?

Я ответил отрицательно.

– А почему?

– Я пишу медленно. Многократно возвращаюсь к написанному тексту. Делаю вставки, перестановки фраз и целых абзацев. Словом, все время, пока идет работа, шлифую написанное. Я не могу этого делать, если перед глазами нет текста.

Сталин:

– Я тоже никогда не пользуюсь стенографисткой. Не могу работать, когда она тут торчит. Беседуя, вышли в вестибюль. Раскуривая очередную трубку, Сталин спросил:

– А вы бываете в магазинах, на рынке?

Я сказал, что очень редко.

– А почему?

– Да как-то все недосуг.

Сталин:

– Напрасно. Экономисту нужно бывать. В конечном счете там отражаются все результаты нашей хозяйственной работы.

Сталин подал руку, и я направился к двери. В вестибюле не было ни души.

Сталин:

– Да, я ведь забыл вызвать вам машину!

Он отошел вглубь вестибюля и что-то сказал в телефонную трубку.

Я вышел к подъезду. Словно часовые на посту, застыли огромные ели. Стояла абсолютная тишина. Невесть откуда у дверей появился полковник охраны. Послышалось шуршание подходящей машины.

И вот теперь, в огромном потоке писем в «Правду», люди говорили уже о мертвом Сталине, о том, что было. Физически Сталин – это всего лишь комок набальзамированной плоти.

Через Колонный зал двигались бесконечные вереницы людей со скорбными, суровыми, заплаканными лицами. А в это время шла работа по форсированию создания нового руководства партии и правительства. Нельзя допустить ни на один день ослабления руководящей и направляющей деятельности партии и правительства.

6 марта состоялся Пленум ЦК для рассмотрения этих вопросов. Собирались, как обычно, в историческом Свердловском зале (бывшем Круглом купольном зале сенатского здания) с его тройным светом и громадным купольным сводом, с наружной части которого теперь всегда гордо реет над Красной площадью алый флаг Союза Советских Социалистических Республик.

Впервые я попал в этот зал в марте 1943 года: здесь «всесоюзный староста» М.И. Калинин вручил мне боевой орден Красного Знамени за Сталинградскую битву. Впоследствии я бывал в Свердловском зале многократно и всякий раз любовался этим великим творением Казакова.

Массивные колонны и пилястры вдоль стены круглого зала, украшенные чудесными капителями. Над великолепным карнизом вокруг зала идет галерея. В среднем ярусе ротонды над окнами расположены барельефы. Гиппократ, окруженный матерями. Аллегорическое изображение Невы. Минерва на троне, принимающая военачальников. Чесменская битва, приносящая блистательную победу русскому флоту над турецким. Нептун и Наяды, несущие дань морей к ногам Минервы, и Россия, держащая ветвь с обильными плодами. Сколько во всем этом гордости, величия и красоты!

Но сегодня в зале царил напряженная тишина, словно здесь стоял гроб с прахом усопшего.

Все организационные вопросы решены были молча, без обсуждения и, как всегда, единогласно. Пост Председателя Совета Министров занял Г. Маленков. Его первыми заместителями стали члены Президиума ЦК Л. Берия, В. Молотов, Н. Булганин и Л. Каганович.

К. Ворошилов рекомендован был главой государства – Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

Кроме перечисленных лиц в состав Президиума ЦК вошли А. Микоян, М. Сабуров и М. Первухин.

В области государственного управления и экономики взят был курс на сверхцентрализацию: гигантские по объему и значению отрасли экономики или государственного управления объединялись в одном центре, во главе которого ставился член Президиума ЦК.

Так осуществился замысел Л. Берии. Он оказался во главе огромного Министерства внутренних дел, которое объединило и бывшее Министерство государственной безопасности. Многочисленные внешние признаки свидетельствовали о том, что Л. Берия будет занимать второе место в высших органах государственного и партийного руководства. Учитывая же мягкость и податливость Г. Маленкова, роль Берии могла оказаться доминирующей в обеих сферах.

Все понимали необходимость извлечь определенные уроки из положения, сложившегося при Сталине, когда Генеральный секретарь ЦК превратился в единоличного управителя в партии и государстве, обладая колоссальной властью и фактически никому не отчитываясь. Это навлекло на партию и страну величайшие беды.

Вот почему для предотвращения образования вновь системы единоличного диктаторства решено было не иметь в партии поста Генерального секретаря ЦК.

А как же быть тогда с председательствованием на заседаниях Президиума ЦК, где решались по существу и окончательно все важнейшие вопросы жизни страны – политические, международные, экономические, идеологические? Сходились на том, что нужно восстановить ленинскую традицию: при Ленине на заседаниях Политбюро председательствовал глава Совнаркома, то есть Ленин, а не Генеральный секретарь ЦК Сталин.

При таком порядке на заседаниях Президиума ЦК теперь, после смерти Сталина, должен будет председательствовать Г. Маленков. Что касается Секретариата ЦК, руководящего текущей работой, главным образом по организации проверки исполнения решений партии и подбору кадров, то предполагалось, что здесь по очереди будут председательствовать несколько секретарей ЦК.

Как показали события самого ближайшего будущего, Н. Хрущев, конечно, внутренне не был согласен с такой системой. Он никак не собирался поддерживать укрепление руководящего положения Г. Маленкова в партии и стране и вынашивал совершенно другие, честолюбивые планы. Но на данном этапе он не возражал против предлагаемой реформы. Он лишь предложил освободить его от обязанностей первого секретаря Московского комитета партии с тем, чтобы сосредоточиться полностью на работе в ЦК. Это и было принято на пленуме 6 марта.

Назначение Хрущева на пост секретаря ЦК соответствовало его самым сокровенным желанием. Оно знаменовало собой первый акт той трагедии, которая скоро начала разворачиваться на глазах всего мира и, подобно пробуждающемуся вулкану, наращивать свои разрушительные последствия. То, что был упразднен пост Генерального (или Первого) секретаря ЦК партии, было лишь *формальным* моментом, фактически же Хрущев с этого дня ставился в положение руководителя партии. И он очень скоро потребовал и *юридического* оформления своего первенства.

Но в эти дни, у гроба умершего вождя, все, кроме Л. Берии и Н. Хрущева, которые разыгрывали свои карты, понимали, что нужно предотвратить образование вновь в партии и государстве системы единоличной власти. Понимать-то, конечно, понимали. Но, как показал опыт, не было ни готовности, ни решимости пойти на радикальные меры, чтобы не на словах, а на деле восстановить ленинские нормы партийной, государственной и общественной жизни.

Были ли реальные пути и возможности для решения этой задачи, от которой зависели дальнейшие судьбы великого народа? И какие?

Да, были – это широчайшая демократизация партийной, государственной и общественной жизни.

Однако так не произошло: и партия, и народ снова оказались перед лицом единоличной власти. Причем новая система единовластия – хрущевщина – оказалась неизмеримо хуже и еще более отталкивающей, чем это было при Сталине.

Сталин при указанном выше тяжком пороке обладал многими выдающимися данными вождя. Он был всесторонне образованным марксистом; он прошел легендарную школу поли-

тической борьбы, закалку в политических ссылках и тюрьмах; он был мудр и нетороплив при решении сложных вопросов; объективно всеми своими помыслами он был верен своему народу, фанатически предан идее коммунизма, полностью отрешен от всяких личных меркантильных интересов.

Хрущев, как вскоре показало время, лишен был возвышенных коммунистических идеалов и нравственных принципов. На историческую авансцену, расталкивая всех локтями и ногами, пробивался невежда, который за многие предшествующие годы руководящей работы в совершенстве овладел наукой интриганства. Очень по душе ему пришлась и подкупающая философия князя Галицкого:

Кабы мне дождаться чести
На Путивле князем сести,
Я б не стал тужить,
Я бы знал, как жить.
Я б им княжеством управил,
Я б казны им поубавил,
Пожил бы я власть,
Ведь на то и власть!

Но я забегаю вперед... Итак, мартовский Пленум ЦК взял курс на сверхцентрализацию. В результате А. Микоян стал возглавлять объединенное Министерство внутренней и внешней торговли. М. Сабуров был поставлен во главе гигантской машиностроительной «империи», которая объединила четыре бывших машиностроительных министерства. Такое же колоссальное объединенное министерство в области электростанций и электропромышленности возглавил М. Первухин.

Скоро опыт показал, что эти громадные экономические «империи» оказались трудноуправляемыми, и понадобилась очередная хозяйственная реформа – разукрупнение министерств и создание более дифференцированных центров хозяйственного управления.

Быстро решив все заранее подготовленные вопросы, члены Президиума ЦК тянулись к Дому союзов.

Уже трое суток, днем и ночью, могучие людские потоки из прилегающих площадей и улиц вливались в Колонный зал. Столько неподдельного людского горя на лицах, столько слез и рыданий! Словно страна провожает родного отца. По полсутков и более выстаивали люди на мартовском ветру и холоде, чтобы отдать последнюю дань уважения своему вождю.

К гробу шли не только советские люди. Со всего мира устремлялись в траурную Москву правительственные делегации, государственные и общественные деятели поклониться праху усопшего.

Я часто отрывался от редакционных дел и ехал в Колонный зал для встреч и бесед с различными деятелями нашей страны и мирового коммунистического движения. Они здесь: сосредоточенные, с тяжкими раздумьями на лицах.

Вот у гроба стоит китайская делегация во главе с премьером Госсовета Чжоу Эньлаем. Лидер Итальянской компартии Пальми ро Тольятти. Представители польского народа – лидер Польской рабочей партии Болеслав Берут и маршал К. Рокоссовский. Президент Чехословакии Клемент Готвальд. Старый деятель Коминтерна и Венгерской компартии Матиас Ракоши. Руководители Германской Демократической Республики Вальтер Ульбрихт и Отто Гротеволь. Председатель Совета Министров Румынской Республики Георге Георгиу-Деж, Генеральный секретарь Болгарской компартии Червенков, премьер Финляндии Урхо Кекконен, Председатель Всеиндийского Совета мира Китчиу, легендарный трибун испанской революции Долорес

Ибаррури – пламенная «Пассионария», лидер итальянских социалистов Пьетро Ненни – все, все здесь.

А в Париже и Пекине, Праге и Бухаресте – в тысячах городов мира сотни миллионов людей выходят на улицы, на траурные митинги.

В последний день великого прощания в Москве произошла трагедия. Правительственной комиссией Хрущева было объявлено, что доступ в Колонный зал будет прекращен в два часа ночи. А людской прилив к Дому союзов все усиливался. Забита была до отказа Большая Дмитровка. Затем человеческий поток загибал по бульвару к Трубной площади. В котловине этой площади число людей все множилось. Между тем со Сретенской возвышенности толпы все подходили. У самого крутого спуска к Трубной площади были заградительные заслоны. Но им все труднее было сдерживать напор людской лавины с улицы Кирова, площади Дзержинского, Колхозной площади. Уже слышались стоны теснимых рядов, просьбы о помощи, крики грозных предупреждений. Но – поздно! Бушующий людской океан был неуправляем.

И вот заслоны на крутом спуске со Сретенки к Трубной площади были смяты и опрокинуты. Огромное количество людей было сбито с ног; их топтали и душили те, кого теснили наступающие. Трещали грудные клетки. Искаженные ужасом рты сотен людей раздирались воплями. Пронзительные крики о помощи к своим мамам тех ребятишек, которые двигались к Дому союзов верхом на плечах у своих отцов, заглушались каким-то истошным ревом сплюсчиваемых или раздавливаемых, как скорлупа грецких орехов, здоровенных мужчин.

Эти вопли ужаса, безысходности и мольбы о помощи леденили кровь...

Всю ночь санитарные машины, милиция и войска развозили изуродованные тела по больницам и моргам.

По Москве поползло зловещее слово – «Ходынка, Ходынка...».

9 марта с утра у гроба Сталина собрались члены Президиума ЦК и правительства, лидеры коммунистических и рабочих партий зарубежных стран, члены ЦК.

Восковое и непроницаемое лицо В. Молотова. Расстроенный и растерянный К. Ворошилов. Бледный, усталый, но абсолютно спокойный Г. Маленков. Под пенсне с очень сильными стеклами часто конвульсивно подергивается лицо Л. Берия. Я смотрю на Хрущева; он стоит очень близко от меня лицом к входным колоннам зала. Глаза у него красные, воспаленные, а по щекам текут крупные слезы. Время от времени Хрущев смахивает их ладонями.

Впоследствии мы все привыкли к самым неожиданным и невероятным сменам настроений, оценке событий и лиц у Хрущева. Это нередко создавало сложности в нашей дипломатической деятельности. Так, он мог на многотысячном собрании в присутствии корреспондентов и членов дипломатического корпуса заявить, что «Энзеньхаур» (так он произносил имя президента США Эйзенхауэра) – «свой в доску парень», а через несколько дней под влиянием какого-либо мелкого факта, на таком же людном собрании предать его анафеме. Впрочем, позднее и за рубежом все привыкли к экстравагантности Хрущева и не придирались к его словам.

Сегодня Хрущев рыдал у гроба Сталина. И так как все знали, что Хрущев – фаворит Сталина, никто не удивлялся его слезам. Было даже что-то трогательное в этом проявлении скорбных чувств к мертвому Сталину теперь, когда отпала необходимость в неискренности.

Льются звуки шопеновского похоронного марша. Начинается вынос венков. Прославленные маршалы Советского Союза Г. Жуков, С. Тимошенко, И. Конев, В. Соколовский, Л. Говоров, С. Буденный и другие выносят на алых подушечках правительственные награды И. Сталина.

Г. Маленков, Л. Берия, В. Молотов, К. Ворошилов, Н. Хрущев, Н. Булганин, Л. Каганович, А. Микоян несут гроб с прахом Сталина к выходу. За гробом идет распухший от слез, очень неприглядного вида, беспорядочно мечущийся сын Василий Сталин и сдержанная, держащаяся с полным достоинством и располагающая к себе дочь Светлана.

Мы, члены ЦК, главы правительственных делегаций, идем за гробом.

В Охотном Ряду, на Манежной площади и на подъеме к Красной площади шеренги военного эскорта. Гроб ставится на орудийный лафет, и упряжка вороных лошадей движется к Мавзолею. Изголовье крышки гроба сделано из прозрачной пластмассы. Я вижу очень белое лицо Сталина и его пепельные волосы.

Красная площадь запружена войсками, трудящимися Москвы, представителями всех национальных республик. Полное безмолвие... Не слышно ни разговоров, ни шепота. Гроб установлен на высоком постаменте, задрапированном красным и черным полотном.

На трибуне Мавзолея члены Президиума ЦК, лидеры крупнейших коммунистических партий мира. С надгробными речами выступили Г. Маленков, Л. Берия, В. Молотов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.